

„Пров 49“

А. ГЕРЦЕНЪ.

Михаилъ Бакунинъ и польское дѣло.

[Герцен, А. „Былое и Дум
2. 6. Гл. XIII.]

Iшк
Герцен

„Пров 49“

А. ГЕРЦЕНЪ

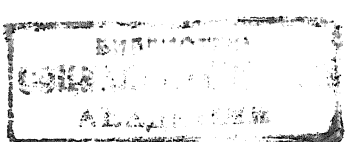
МИХАИЛЪ БАКУНИНЪ

И

ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО.

15/25

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.



Въ концѣ ноября мы получили отъ Бакунина слѣдующее письмо:

15 октября 1861 г., С.-Франциско. „Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири и, послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ Санъ-Франциско.

„Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только пріѣду, пріймусь за дѣло, буду у васъ служить по Польско-Славянскому вопросу, который былъ моей idée fixe съ 1846 г. и моей практической спеціальностью въ 48 и 49 годахъ.

„Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи, будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на во-

лось подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является славная, вольная славянская федерація, единственный исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще для славянскихъ народовъ."

О его намѣреніи уѣхать изъ Сибири, мы знали нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Б. въ нашихъ объятіяхъ.

Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ, взошелъ новый элементъ, или пожалуй элементъ старый, воскресшая тѣнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 года. Б. былъ тотъ же, онъ состарѣлся только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ также преданъ одной идеѣ, также способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впередъ остается не такъ много и что слѣдственно надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и

contra и рвался, довѣрчивый и отвлеченный какъ прежде, къ дѣлу, лишь бы оно было среди бурь революціи, среди разгрома и грозной обстановки. Онъ и теперь, какъ въ статьяхъ Жюля Елизара, повторялъ: „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust“. Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 г., онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 году, во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи „Реформы“ и Vraie République, рѣзкія рѣчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость втораго пришествія революціи, все было на лицо.

Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ; они выходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія. Декабристы возвратились изъ подъ сибирскаго снѣга моложе потоптанной на корню молодежи, которая ихъ встрѣтила. Въ то время, какъ два поколѣнія французовъ нѣсколько разъ мѣнялись, краснѣли и блѣд-

нѣли, поднымаемые приливами и уносимые назадъ отливами, Барбесъ и Бланки остались безсмѣнными маяками, напоминавшими изъ-за тюремныхъ рѣшетокъ, изъ-за чужой дали, прежные идеалы во всей чистотѣ.

„Польско-Славянскій вопросъ . . . разрушеніе Австрійской имперіи . . . вольная славянская и славная федерація“ . . . И все это сейчасъ, какъ только онъ пріѣдетъ въ Лондонъ, и пишетъ изъ С.-Франциско, одна нога на кораблѣ!

Европейская реакція не существовала для Б., не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка. Онъ ихъ прочелъ въ Сибири, такъ какъ читалъ въ Кайдановѣ о Пуническихъ войнахъ и о паденіи Римской имперіи. Какъ человѣкъ возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ объ нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 г. были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Косидьеромъ, рѣчи Славянъ на

Пражскомъ съѣздѣ, споры съ Араго или Руге: все это было для Б. вчера, звенѣло въ ушахъ, мелькаго передъ глазами.

Впрочемъ, оно и сверхъ тюрьмы не мудрено.

Первые дни послѣ Февральской революціи были лучшими днями жизни Б. Возвратившись изъ Белгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на Польской годовщинѣ 29 ноября 1847 г., онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ Монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ, коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка", Косидьеръ, не зналъ какъ выжить дорогаго проповѣдника и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ Славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. Quel homme! Quel homme! говорилъ Косидьеръ о Б.: „въ первый день революціи,

это просто кладъ; а на другой день его надобно разстрѣлять“ *).

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ изъ Рима въ началѣ мая 1848 г., Б. уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрческими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгрецъ не положилъ пушками предѣлъ краснорѣчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей вѣрной оказіи не подстрѣлить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги, Б. является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ, совѣтуетъ имъ Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ пруссаковъ,

*) Скажите Косидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ: что тѣмъ-то Б. и отличается отъ него, что и Косидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять наканунѣ революціи. Въ послѣдствіи въ Лондонѣ въ 1854 году, я ему помянулъ объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударилъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: „Здѣсь ношу Б. . . ., здѣсь.“

которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлились стрѣлять по Рафаэлю.

Артиллерія ему вообще помѣшала. По дорогѣ изъ Парижа въ Прагу, онъ наткнулся гдѣ-то въ Германіи на возмущеніе крестьянъ; они шумѣли и кричали передъ залпомъ, не умѣя ничего сдѣлать. Б. вышелъ изъ повозки и, не имѣя времени узнать въ чемъ дѣло, построилъ крестьянъ и такъ ловко научилъ ихъ, что, когда пошелъ садиться въ повозку, чтобъ продолжать путь, замокъ пылалъ съ четырехъ сторонъ.

Б. когда нибудь переломитъ свою лѣнь и сдержитъ обѣщаніе; онъ когда нибудь разскажетъ длинный мартирологъ, начавшійся для него послѣ взятія Дрездена. Напомню здѣсь главныя черты. Б. былъ приговоренъ къ эшафоту. Король Саксонскій замѣнилъ топоръ вѣчной тюрьмой, потомъ, безъ всякаго основанія, передалъ его въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что нибудь о славянскихъ замыслахъ. Б. посадили въ Грачинъ и, ничего не добившись, отослали его въ Ольмюцъ. Б. скованнаго везли подъ сильнымъ конвоемъ драгунъ; офицеръ, который сѣлъ съ нимъ въ повозку, за-

рядилъ при немъ пистолетъ. „Это для чего же? — спросилъ Б. — неужели вы думаете, что я могу бѣжать при этихъ условіяхъ?“

— Нѣтъ, но васъ могутъ отбить ваши друзья; правительство имѣло на счетъ этого слухи, и въ такомъ случаѣ . . .

— Что же?

— Мнѣ приказано посадить вамъ пулю въ лобъ. — И товарищи поскакали.

Въ Ольмюцѣ Б. приковали къ стѣнѣ, и въ этомъ положеніи онъ пробылъ полгода. Австріи наконецъ наскучило даромъ кормить чужаго преступника; она предложила Россіи его выдать: Николаю вовсе не нужно было Б., но отказаться онъ не имѣлъ силъ.

На русской границѣ съ Б. сняли цѣпи. Объ этомъ актѣ милосердія я слышалъ много разъ; дѣйствительно, цѣпи съ него сняли, но разскащикъ забылъ прибавить, что за то надѣли другія, гораздо тяжеле. Офицеръ австрійскій, сдавши арестанта, потребовалъ цѣпи, какъ казенную К. К. собственность.

Николай похвалилъ храброе поведеніе Б. въ Дрезденѣ и посадилъ его въ Алексѣевскій равелинъ. Туда онъ прислалъ къ нему Орлова и велѣлъ ему сказать, что онъ желаетъ

отъ него записку о нѣмецкомъ и славянскомъ движеній (монархъ не зналъ, что всѣ его подробности были напечатаны въ газетахъ). Записку эту онъ требовалъ не какъ царь, а какъ духовникъ. Б. спросилъ Орлова, какъ понимаетъ государь слово „духовникъ“: въ томъ ли смыслѣ, что все сказанное на духу должно быть святой тайной? Орловъ не зналъ что сказать: эти люди вообще больше привыкли спрашивать, чѣмъ отвѣчать. Б. написалъ журнальный leading article. Николай и этимъ былъ доволенъ. „Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ, его надобно держать на заперти“, и три цѣлыхъ года послѣ этого высочайшаго одобренья Б. былъ схороненъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Содержаніе должно быть было хорошо, когда и этотъ гигантъ изнемогалъ до того, что хотѣлъ лишить себя жизни. Въ 1854 г. Б. перевели въ Шлюссельбургъ. Николай боялся, что Чарльсъ Непиръ его освободитъ; но Чарльсъ Непиръ and. comp. освободили не Б. отъ равелина, а Россію отъ Николая. Александръ II, не смотря на припадокъ милостей и великодушія, оставилъ Б. въ крѣпости до 1857 г., потомъ послалъ его на житье въ во-

сточную Сибирь. Въ Иркутскѣ онъ очутился на волѣ послѣ девятилѣтняго заключенія. Начальникомъ края былъ тамъ на его счастье оригинальный человѣкъ, демократъ и татаринъ, либералъ и деспотъ, родственникъ Михайлы Б. . . . и Михайлы Муравьева, и самъ Муравьевъ, тогда еще не Амурскій. Онъ далъ Б. вздохнуть, возможность человѣчески жить, читать журналы и газеты, и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ. Въ благодарность Муравьеву Б. въ головѣ назначалъ его главнокомандующимъ будущей земской арміей, назначаемой имъ въ свою очередь на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

Въ 1860 году мать Б. просила государя о возвращеніи сына въ Россію; государь сказалъ, что „при жизни его, Б. изъ Сибири не переведутъ; но, чтобъ и она не осталась безъ утѣшенья и царской милости, онъ разрѣшилъ ему вступить въ службу писцомъ.

Тогда Б., взявъ въ разсчетъ красныя щеки и сорокалѣтній возрастъ императора, рѣшился бѣжать; я его въ этомъ совершенно оправдываю. Послѣдные годы лучше всего доказы-

ваютъ, что ему нечего въ Сибири было ждать. Девяти лѣтъ каземата и нѣсколько лѣтъ ссылки было за глаза довольно. Не отъ его побѣга, какъ говорили, стало хуже политическимъ сосланнымъ, а отъ того, что времена стали хуже, люди стали хуже. Какое вліяніе имѣлъ побѣгъ Б. на гнусное преслѣдованіе, добиваніе Михайлова? А что какой нибудь Корсаковъ получилъ выговоръ, объ этомъ не стоитъ и говорить. Жаль что не два.

Бѣгство Б. замѣчательно пространствомъ; это самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ. Пробравшись на Амуръ подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, онъ уговорилъ какого-то американскаго шкипера взять его съ собой къ Японскому берегу. — Въ Гоко-Дади другой американскій капитанъ взялся его довезти до С.-Франциско. Б. отправился къ нему на корабль и засталъ моряка, сильно хлопотавшаго объ обѣдѣ; онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ Б. — Б. принялъ приглашеніе и, только когда гость пріѣхалъ, узналъ что это генеральный русскій консулъ.

Скрываться было поздно, смѣшно: онъ прямо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, ска-

залъ, что выпросился сдѣлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаеву: „Вы не съ нашими ли возвращаетесь?“ спросилъ консулъ. „Я только что пріѣхалъ, — отвѣчалъ Б., — и хочу еще посмотрѣть край“. Вмѣстѣ покушавши, они разошлись en bons amis. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры: кромѣ океана, опасности больше небыло.

Какъ только Б. оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т. е. перезнакомился со всѣми поляками и русскими, которые были на лицо, онъ принялся за дѣло. Къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устроивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Б. прибавляется готовность первому итти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія. Это натура героическая, оставленная исторіей не у дѣлъ. Онъ тратилъ свои силы иногда на вздоръ такъ, какъ левъ тратитъ шаги въ клѣткѣ, все думая, что выйдетъ изъ нея. Но онъ не риторъ, боящійся

исполненія своихъ словъ или уклоняющійся отъ осуществленія своихъ общихъ теорій ...

Б. имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны. Развѣ это одно не великое дѣло, что, брошенный судьбою куда бы то ни было, и схвативъ двѣ-три черты окружающей среды, онъ отдѣлялъ революціонную струю и тотчасъ принимался вести ее далѣе, раздувать, дѣлать изъ нея страстный вопросъ жизни.

Говорятъ, будто И. Тургеневъ хотѣлъ нарисовать портретъ Б. въ Рудинѣ; но Рудинъ едва напоминаетъ нѣкоторыя черты Б. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой бога, создалъ Рудина по своему образу и подобію. Рудинъ Тургенева, наслушавшійся философскаго жаргона, молодой Б.

Въ Лондонѣ онъ во первыхъ сталъ революціонировать Колоколъ и говорилъ въ 1862 г. противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 г. противъ Бѣлинскаго. Мало было пропаганды; надобно было неминуемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ и дальнихъ людей, надобны были „посвященные и полупосвященные братья“, организація въ краѣ, — славян-

ская организація, польская организація. Б. находилъ насъ умѣренными, неумѣющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ впрочемъ не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Б. сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Наперсткомъ; сербы, которые просто величались по батюшкѣ Іоановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ еско на концѣ; наконецъ былъ Болгаръ, лекарь въ Турецкой арміи, и поляки всѣхъ эпархій: Бонапартовской, Мирославской, Чарторижской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы й просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ нибудь подраться въ сѣверной или въ южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ.

Отдохнулъ съ ними Б. за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый

день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, оставшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, разчищалъ небольшое мѣсто отъ золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлокриницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого нибудь отсталаго Далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это впрочемъ для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ же. Дѣятельность его, праздность, апетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ онъ самъ; а самъ онъ исполинъ съ львиной головой, съ всклокоченной гривой.

Въ пятьдесять лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ же косующій студентъ съ Маросейки, тотъ же бездомный Bohêmien съ rue de Bourgogne, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора на право и на лѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ кото-

рой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ что слѣдуетъ на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ. Еслибъ его кто нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать то, что отвѣчалъ Лаландъ Наполеону о Богѣ: „Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрѣчалъ никакой необходимости въ этомъ правѣ!“ Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ. Его рельевная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе, вездѣ, въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Косидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальство въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія, въ Австріи, выдача Россіи, — гдѣ онъ исчезъ за страшными стѣнами Алексѣевскаго равелина, — дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ

индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности, на которую не было запроса. Б. носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, іересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его куда хотите, только въ крайній край, анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клотца, другомъ Гракха Бабефа, и онъ увлекалъ бы массу и потрясалъ бы судьбами народовъ: —

Но здѣсь, подъ гнетомъ
власти царской,

Колумбъ безъ Америки и корабля, онъ, послуживъ противъ воли года два въ артиллеріи, да года два въ московскомъ тегелизмѣ, торопился оставить край, въ которомъ мысль преслѣдовалась, какъ дурное намѣреніе и независимое слово, какъ оскорбленіе общественной нравственности.

Вырвавшись въ 1840 году изъ Россіи, онъ въ нее не возвращался до тѣхъ поръ, пока пикетъ австрійскихъ драгунъ не сдалъ его русскому жандармскому офицеру въ 1849 году.

Поклонники цѣлесообразности, милые фаталисты раціонализма, все еще дивятся премудрому à propos, съ которымъ являются таланты и дѣятели, какъ только на нихъ есть потребность, забывая сколько зародышей мретъ, глохнетъ, не видавши свѣта, сколько способностей, готовностей вянутъ, потому что ихъ не нужно.

Когда въ спорѣ, Б., увлекаясь, съ громомъ и трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы никому не простили, Б. прощали, и я первый. Мартьяновъ бывало говаривалъ: „это, Александръ Ивановичъ, большая Лиза, какъ же на нее сердиться: дитя!“

Какъ онъ дошелъ до женитьбы, я могу только объяснить Сибирской скукой. Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи родины, т. е. студентской жизни въ Москвѣ; груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно въ запуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь,

словомъ такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горничной Грассъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню Славянскаго освобожденія.

Долго послѣ отъѣзда Б. изъ Лондона, въ № 10 Paddington Green разсказывали объ его житьѣ-бытьѣ, испровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые ими размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили его.

— Вчера — говоритъ Б. одинъ изъ его друзей — пріѣхалъ такой-то изъ Россіи; прекраснѣйшій человѣкъ бывшій офицеръ.

— Я слыхалъ объ немъ, его очень хвалили.

— Можно его привести?

— Непремѣнно, да что привести, гдѣ онъ? Сейчасъ.

— Онъ, кажется, нѣсколько конституціоналистъ.

— Можетъ быть, но . . .

— Но я знаю, рыцарски отважный и благородный человѣкъ.

— И вѣрный?

— Его очень уважаютъ въ Orsett hous'ѣ.

— Идемъ.

— Куда же? вѣдь онъ хотѣлъ къ вамъ прійти, мы такъ сговорились, я его приведу.

Б. бросается писать; пишетъ, перемарываетъ кой-что, переписываетъ и печатаетъ пакетъ, адресуемый въ Яссы; въ безпокойствѣ ожиданія начинаетъ ходить по комнатѣ ступней, отъ которой и весь домъ № 10 Paddington Green ходилъ ходенемъ съ нимъ вмѣстѣ.

Является офицеръ скромно и тихо. Б. le met à l'aise, говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ, и вдругъ спрашиваетъ:

— Вы навѣрно не откажетесь сдѣлать что нибудь для общаго дѣла?

— Безъ сомнѣнія.

— Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?

— Ничего; я только что пріѣхалъ, я . . .

— Можете вы ѣхать завтра, послѣ завтра, съ этимъ письмомъ въ Яссы?

Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ

генеральномъ штабѣ; однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ, помолчавши, говоритъ не совсѣмъ своимъ голосомъ: О да!

— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

— Да я хоть сейчасъ, только . . . (офицеръ конфузится) я никакъ не разсчитывалъ на эту поѣздку.

— Что? денегъ нѣтъ? Ну такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена; вы ему потомъ отдадите. Что тутъ, всего — всего какіе нибудь 20 фунтовъ. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда побереτесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ.

Пораженный, удивленный офицеръ, какъ равно и его спутникъ, уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Б. на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколадъ en losenges, чтобъ чѣмъ нибудь утѣшить ее въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и прибавляю: „скажите высокому gentleman'y

что я лично съ нимъ переговорю". Дѣйствительно, переписка оказывается излишней. Къ обѣду, т. е. черезъ часъ, является Б.

— Зачѣмъ 20 фунтовъ для **?

— Не для него, для дѣла; а что братъ, ** прекраснѣйшій человѣкъ?

— Я его знаю нѣсколько лѣтъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

— Это такой случай, пропустить его грѣшно; я его посылаю въ Яссы. Да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.

— Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

— Ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь.

— Да вѣдь тебѣ ничего не нужно въ Яссахъ?

— Ты почемъ знаешь?

— Знаю потому во первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ; а во вторыхъ, еслибъ нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность: ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ вивѣть выставку, а ты ему покажешь Молдовалахію. Ну скажи-ка зачѣмъ?

— Какой любопытный. Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

— Это правда, я даже думаю, что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ; ну а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я нисколько не намѣренъ.

— Вѣдь онъ отдастъ, у него деньги будутъ.

— Такъ пусть умнѣе употребитъ ихъ; полно, полно; письмо пошлешь съ какимъ нибудь Петерско-Манонъ-Леско, а теперь пойдемъ ѣсть.

И Б., самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: „Теперь настала счастливая минута“, и закуривалъ папироску. Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла; а ужъ два-три славянина въ его комнатѣ съ отчаянной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ не уставая говорить со свѣжей голо-

вой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ.

Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи.

Б. вставалъ поздно; нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай.

Разъ часу въ одинадцатомъ, слышитъ онъ, кто-то копошится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ занавѣсью.

— Кто тамъ? кричалъ Б., просыпаясь.

— Русскій.

— Ваша фамилія.

— Такой-то.

— Очень радъ.

— Что вы это такъ поздно встаете, я еще демократъ.

. . . Молчаніе: слышенъ плескъ воды, каскады.

— Михаилъ Александровичъ!

— Что?

— Я васъ хотѣлъ спросить, вы вѣнчались въ церкви?

— Да.

— Не хорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности; вотъ и Т. . . . свою

дочь прочитъ за мужъ. Вы старики должны насъ учить примѣромъ.

— Что вы за вздоръ несете.

— Да вы скажите, по любви женились?

— Вамъ что за дѣло?

— У насъ былъ слухъ, что вы женились отъ того, что невѣста ваша богата*).

— Что вы это допрашивать меня пришли? ступайте къ черту.

— Ну вотъ вы и разсердились, а я право отъ чистой души. Прощайте. А я все таки зайду.

— Хорошо, хорошо: только будьте умнѣе.

Между тѣмъ польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня. Грустный, чистый, беззавѣтно отдавшійся урагану, онъ пріѣзжалъ поговорить съ нами отъ себя и отъ товарищей, и все таки итти своей дорогой. Чаще и чаще являлись поляки изъ края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мерещилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

---

*) Б. ничего не взялъ за невѣстой.

— Смертельно жаль Потебню и его товарищей, говорилъ я Б., и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками.

— По дорогѣ, по дорогѣ, возражалъ Б. Не сидѣть же намъ вѣчно сложа руки и рефлектируя. Исторію надобно принимать какъ представляется; не то всякій разъ будешь за урядъ то позади, то впереди.

Б. помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и барикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію. Эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспираций, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляетъ одну изъ лучшихъ, изящныхъ частей. Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердце скреблн кошки; я постоянно спорилъ съ нимъ и, нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ.

Здѣсь я останавливаюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во

мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой — готовность поступать совсѣмъ иначе. Эта шаткость, эта нелѣпость, dieses Zögernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки, невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre cœur; вся отрицательная сторона была у меня передъ глазами. Я разсказывалъ въ одной изъ предъидущихъ частей мое участіе въ 13 іюнѣ 1849 г. Это типъ того, о чемъ я говорю. Ни на одну минуту я не вѣрилъ въ успѣхъ 13 іюня; я видѣлъ нелѣпость движенія и его безсиліе; народное равнодушіе, освирѣпѣлость реакціи и мелкій уровень революціонеровъ. (Я писалъ объ этомъ и все же пошелъ на площадь, смѣясь надъ людьми, которые шли.)

Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, еслибъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самаго себя. Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ; увлекался и я, но это не составляетъ главнаго. Отдаваясь по удобовпечатливости, я тотчасъ останавливался;

мысль, рефлекція и наблюдательность всегда почти брали верхъ въ теоріи, но не на практикѣ. Тутъ и лежитъ вся трудность задачи, почему я давалъ себя вести nolens volens . . .

Причиною быстрой сговорчивости былъ ложный стыдъ, а иногда и лучшія побужденія любви, дружбы, снисхожденія; но почему же все это побѣждало логику?

Послѣ похоронъ Ворцеля, 5 февраля 1857 г., когда всѣ провожавшіе разбрелись по домамъ, и я, воротившись въ свою комнату, сѣлъ грустно за свой письменный столъ, мнѣ пришелъ въ голову печальный вопросъ: не опустили ли мы въ землю вмѣстѣ съ этимъ праведникомъ и не схоронили ли съ нимъ всѣ наши отношенія съ польской эмиграціей?

Кроткая личность старика, являвшаяся примиряющимъ началомъ при безпрерывно возникавшихъ недоразумѣніяхъ, исчезла, а недоразумѣнія остались. Частно, лично, мы могли любить того-другаго изъ поляковъ, быть съ ними близкими; но вообще одинаковаго пониманья между нами было мало, и оттого отношенія наши были натянутыми, добросовѣстно неоткровенными; мы дѣлали другъ другу уступки, т. е. ослабляли сами себя, уменьшали

другъ въ другѣ чуть ли не лучшія силы. Договориться до одинаковаго пониманія было невозможно. Мы шли съ разныхъ точекъ и пути наши только пересѣкались въ общей ненависти къ петербургскому самовластію. Идеалъ поляковъ былъ за ними, они шли къ своему прошедшему, насильственно срѣзанному, и только оттуда могли продолжать свой путь. У нихъ была бездна мощей, а у насъ пустыя колыбели. Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и во всей поэзіи столько же отчаянія, сколько яркой вѣры.

Они ищутъ воскресенья мертвыхъ, мы хотимъ поскорѣе схоронить своихъ. Формы нашего мышленія, упованія — не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ не имѣетъ ничего сходнаго. Наше соединеніе съ ними казалось имъ то mésalliance'омъ, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины: мы сознавали свою косвенную вину, мы любили ихъ отвагу и уважали ихъ несокрушимый протестъ. Что они могли въ насъ любить? что уважать? Они переламывали себя, сближаясь съ нами; они дѣлали для нѣсколькихъ русскихъ почетное исключеніе.

Въ осторожной темнотѣ Николаевскаго царствованія, сидя на заперти тюремными товарищами, мы больше сочувствовали другъ другу, чѣмъ знали. Но когда окно немного пріотворилось, мы догадались, что насъ привели по разнымъ дорогамъ и что мы разойдемся по разнымъ. Послѣ крымской компаніи мы радостно вздохнули, а ихъ наша радость оскорбила: новый воздухъ въ Россіи имъ напомнилъ ихъ утраты, а не надежды. У насъ новое время началось съ заносчивыхъ требованій, мы рвались впередъ, готовые все ломать, у нихъ — съ панихидъ и упокойныхъ молитвъ. Но правительство второй разъ насъ спаяло съ ними. Передъ выстрѣлами по попамъ и дѣтямъ, по распятіямъ и дамамъ, передъ выстрѣлами по гимнамъ и молитвамъ замолкли всѣ вопросы, стерлись всѣ различія. Со слезами и плачемъ написалъ я тогда рядъ статей, глубоко тронувшихъ поляковъ.

Старикъ Адамъ Чарторежскій съ смертнаго одра прислалъ мнѣ съ сыномъ теплое слово; въ Парижѣ депутація поляковъ поднесла мнѣ адресъ, подписанный четырьмя стами изгнанниковъ, къ которому присылались подписи отовсюду, — даже отъ польскихъ выходцевъ,

жившихъ въ Алжирѣ и въ Америкѣ. Казалось, во многомъ мы были близки: но шагъ глубже и рознь, рѣзкая рознь, бросалась въ глаза.

. . . . . Разъ у меня сидѣли Ксаверій Браницкій, Хоецкій и еще кто-то изъ поляковъ; всѣ они были проѣздомъ въ Лондонѣ и заѣхали пожать мнѣ руку за статьи. Зашла рѣчь о выстрѣлѣ въ Константина. Выстрѣлъ этотъ, сказалъ я, страшно повредитъ вамъ. Можетъ правительство и уступило бы кое-что; теперь оно ничего не уступитъ и сдѣлается вдвое свирѣпѣе.

— Да мы только этого и хотимъ! замѣтилъ съ жаромъ Ш. Е. — для насъ нѣтъ хуже несчастья, какъ уступки; мы хотимъ разрыва, открытой борьбы!

— Желаю отъ души, чтобъ вы не раскаялись.

Ш. Е. иронически улыбнулся, и никто не прибавилъ ни слова. Это было лѣтомъ 1861 года. А черезъ полтора года говорилъ тоже Падлевскій, отправляясь черезъ Петербургъ въ Польшу.

Кости были брошены! . . .

Б. вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и

мы; да вѣрило и само правительство, какъ оказалось впослѣдствіи рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернутъ на свирѣпый патріотизмъ.

Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ.

Въ томъ, что между офицерами войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, общество, къ которому принадлежалъ Потебня, росло и крѣпло — сомнѣнія не могло быть; но оно далеко не имѣло той силы, которую ему преднамѣренно придавали поляки и наивно Б.

Какъ-то, въ концѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Б. особенно озабоченный и нѣсколько торжественный. „Варшавскій Центральный Ко-

митетъ, — сказалъ онъ, — прислалъ двухъ членовъ, чтобъ переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это Падлевскій; другой Г., закаленный боецъ; онъ изъ Польши прогулялся въ кандалахъ до рудниковъ и, только что возвратился, снова принялся за дѣло. Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня: надобно окончательно опредѣлить наши отношенія".

Тогда набирался мой отвѣтъ офицерамъ*).

— Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

— Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

Вечеромъ Б. пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Б. сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ, или съ адвокатами, трепещущими, чтобъ ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей игры защиты, хорошо налажен-

*) Колоколъ 1862 года.

ной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

Я видѣлъ по лицамъ, что Б. угадалъ и что чтеніе не то чтобъ особенно понравилось. Прежде всего, замѣтилъ Г., мы прочтемъ письмо къ вамъ отъ Центральнаго Комитета. Читалъ М.; документъ этотъ, извѣстный читателямъ Колокола, былъ написанъ по русски, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ, но ясно. Говорили, что я его перевелъ съ французскаго и перепечаталъ: это не правда. Всѣ трое говорили хорошо по русски.

Смылъ акта состоялъ въ томъ, чтобъ черезъ насъ сказать русскимъ, что слагающееся польское правительство согласно съ нами и кладетъ въ основаніе своихъ дѣйствій „Признаніе права крестьянъ на землю, обработываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой". Это заявленіе, говорилъ М., обязывало меня смягчить вопросительную и сомнѣвающуюся форму моего письма. Я согласился на нѣкоторыя перемѣны и предложилъ имъ съ своей стороны посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самозаконности провинцій; они согласились. Этотъ споръ изъ-за

словъ показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково.

На другой день утромъ Б. уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ какъ катехизисъ; нельзя же имъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.

— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще?

— Есть таки кое-что.

— Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! ты вовсе не практическій человѣкъ.

— Это ужъ прежде тебя говорилъ Сазоновъ.

Б. махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ;

я видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешь теперь. Онъ шагалъ семи-мильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ, онъ уже видѣлъ свою „славную и славянскую“ федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“, развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украйнѣ и Кавказѣ, пожалуй на Зимнемъ Дворцѣ и Петропавловской крѣпости, и торопился сгладить какъ нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чертовъ мостъ.

„Нѣтъ освобожденія безъ земли.“

— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

— Съ моей стороны, замѣтилъ Г., я изъза словъ спорить не стану; мѣняйте какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

— Браво Г., радостно воскликнулъ Б.

Ну этотъ — подумалъ я, — пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему и на шипы; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

Актъ поправили, члены жонда подписались; я его послалъ въ типографію.

Г. и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было не въ словахъ и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

Что въ Россіи клались первыя ячейки организаціи, въ этомъ не было сомнѣнія: первыя волокна, нити, были замѣтны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ, могла образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань. Все это такъ; но ея не было и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины.

Вотъ это-то я и сказалъ, отправивъ печатать письмо Комитета, Г. и его товарищамъ, говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобъ удивиться моимъ словамъ; хотя и увѣрялъ меня, что сила и развѣтвленіе общества „Земли и Воли“ идутъ гораздо дальше, чѣмъ мы думаемъ, но Г. призадумался. „Вы думали, — сказалъ я ему улыбаясь, — что мы сильнѣе? Да, Г., вы не ошиблись, сила у насъ есть большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждается на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны сочувствіемъ къ намъ, унисономъ съ своими. Организаціи, которой бы мы сказали: иди на право или на лѣво, нѣтъ.

— Да, любезный другъ, однако же, началъ Б., ходившій въ волненіи по комнатѣ . . .

— Что же, развѣ есть? спросилъ я его и остановился.

— Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю форму, это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь . . .

— Позволь же мнѣ кончить; я хочу пояснить Г., почему я такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на вашемъ знамени не увидятъ надѣлъ земли и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ; потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно можетъ бьется посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связаны съ нами сочувствіемъ, а не службой!

— Вы будете нами довольны, говорили Г. и Падлевскій.

Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву; третій уѣхалъ въ Парижъ.

Наступило затишье передъ грозой. Время темное, тяжелое, въ которое все казалось, что туча пройдетъ, а она все приближалась; тутъ явился указъ о „подтасованномъ“ наборѣ; это была послѣдняя капля; люди, еще останавливавшіеся передъ рѣшительнымъ и невозвратнымъ шагомъ, рвались на бой. Теперь и бѣлые стали переходить на сторону движенія.

Пріѣхалъ опять Падлевскій, наборъ не отмѣнялся. Падлевскій уѣхалъ въ Польшу.

Б. собирался въ Стокгольмъ совершенно независимо отъ экспедиціи Лапинскаго, о которой тогда никто не думалъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Б. Въ то же время какъ Потебня, пріѣхалъ черезъ Варшаву изъ Петербурга, уполномоченный отъ „Земли и Воли“. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказалъ объ убійствѣ солдатъ, о раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но боялся ясно выступить противъ своихъ.

Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться агентами Общества „Земли и Воли“. Я отклонилъ это къ крайному удивленію не только Б., но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое, французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ Комиссары Конвента 1793 г. трактовали генераловъ дальныхъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

— А много васъ? — спросилъ я.

— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

— Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ. — Ты вѣришь? спросилъ я Б.

Конечно онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ! и онъ расхохотался.

— Это другое дѣло.

— Въ томъ-то все и состоитъ, чтобъ поддержать слабыя начинанія; еслибъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ, — замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.

— Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство.

— Это молодость, прибавилъ Б. и уѣхалъ въ Швецію. А вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и Потебня. Удручительно горестно я простился съ нимъ; я ни одной секунды не сомнѣвался, что онъ прямо идетъ на гибель.

. . . За нѣсколько дней до отъѣзда Б. пришелъ Мартьяновъ блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслію о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался итти и вдругъ, остановившись передо мной, мрачно сказалъ мнѣ: Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ, такъ ли, иначе ли, а Колоколъ-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшатся въ польскія дѣла? Поляки можетъ и правы, но ихъ дѣло шляхетное — не ваше. Не пожалѣли вы насъ, богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я-то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать.

— Ни вы не поѣдете въ Россію, ни Колоколъ не погибъ, отвѣтилъ я ему.

Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ втораго пророчества и какого-то темнаго сознанія, что что-то ошибочное сдѣлано.

Мартьяновъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ; онъ воротился весной 1863 г. и пошелъ умирать на каторгу, сосланный своимъ „земскимъ

царемъ“ за любовь къ Россіи, за вѣру въ него.

Къ концу 1863 года расходъ Колокола съ 2500 — 2000 сошелъ на 500 и ни разу не подымался далѣе 1000 экземпляровъ.

Шарлота Кордэ изъ Орлова и Даніилъ изъ крестьянъ были правы!

Писано въ Montreux и Lausanne въ концѣ 1865 г.

